

АННА  
ВЛАДИМИРОВА

РАЗВОД

*са зберем*

ОН НЕ ОТПУСТИТ

Городские волки. Хирурги Князевы

Анна Владимировна

**Развод со зверем. Он не отпустит**

«Автор»

2025

## **Владимирова А.**

Развод со зверем. Он не отпустит / А. Владимирова — «Автор», 2025 — (Городские волки. Хирурги Князевы)

На моем месте мечтают оказаться многие. Мой муж — Север Станиславович Князев — один из лучших нейрохирургов в мире. Он притягателен, богат, уверен в себе и вечно занят. А еще — он сексуален как Дьявол и просто зверь в постели. Но откуда мне было знать, что не только в постели? Его почти не бывает дома, и можно было бы смириться с теми ночами, что приходится с ним проводить. Но я больше не хочу. Ему не повезло, ведь я — адвокат по разводам с такими, как он. — Мне нужен развод, — улыбаюсь я ему, глядя в холодные глаза. Он, казалось бы, не обращает внимания на мои слова, только взгляд его вспыхивает: — Уверена? Нет. Но от того, как быстро я стану свободной, зависит моя жизнь. Ведь если он узнает, что я сделала, то до развода я просто не доживу...

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Пролог                            | 5  |
| Глава 1                           | 7  |
| Глава 2                           | 18 |
| Глава 3                           | 28 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 32 |

# Анна Владимирова

## Развод со зверем. Он не отпустит

### Пролог

– Алена Владимировна...

Я обернулась на ступенях здания суда. Ко мне спешила Маргарита. И, вроде бы, мы все обсудили после заседания, но я прекрасно понимала, что у моей клиентки сегодня один из лучших дней в жизни – она получила развод со своим монстром. И детей. Благодаря мне. Понятно, что сухого подведения итогов ей недостаточно.

Маргарита подошла ко мне и обняла:

– Простите за это, но я вам так благодарна! – всхлипнула она.

Ее тело дрожало, дыхание сбивалось. За время процесса, который длился полгода, от нее почти ничего не осталось – Маргарита похудела, постарела и выцвела. Но сегодня она, наконец, свободна. Конечно, я обняла ее в ответ:

– Я горжусь вами, – прошептала ей. – Все позади.

– Спасибо. – Она отстранилась и посмотрела в мои глаза.

Я кивнула.

– Берегите себя.

Мы распрощались, и я направилась к машине, припаркованной у самых ступеней. За мной пристально наблюдал личный охранник, а когда я подошла к машине, открыл мне двери:

– Прошу.

– Спасибо, Петь...

На заднем сиденьи меня ждал набор задолбавшегося в усмерть адвоката по бракоразводным процессам с оборотнями – плед, коробка шоколадных конфет, кофе и виски. В обязанности Пети это все не входило, но он был профи во всем. И забота обо мне не стала исключением.

– Домой, Алена Владимировна?

– Да, – поморщилась я, схватилась за бокал с виски и пригубила.

Домой мне никогда не хотелось. Я смотрела на здание суда, медленно уплывавшее за пределы взгляда, и ловила себя на том, что снова завидую... На этот раз Маргарите. Она свободна.

А я – нет. И мне нужно ехать домой. К своему собственному монстру. Впрочем, всегда есть шанс, что Север не явится ночевать. Нет, он не изменял. Он – слишком востребованный нейрохирург, и у него нет ни на что времени, кроме как на работу. Вообще ни на что. Ни на слова, ни на эмоции. Если у Маргариты монстр был агрессивный и несогласный с разводом, то мой – молчаливый, равнодушный и холодный. И ему шло его имя, как никому другому.

Мне иногда хотелось, чтобы Север вышел из себя, сбросил свою ледяную маску и разозлился, как они это умеют. А я видела, как они борются за свою семью, как скалят клыки, как угрожают своим женщинам, как ломают карандаши на заседаниях и оставляют глубокие борозды от когтей на столах. И как смотрят с ненавистью на меня каждый раз, когда я беру слово в зале суда. Таких адвокатов, как я, немного. Потому что страшно вот так вот открыто переходить дорогу матерым хищникам.

Одно меня спасало – Петя. И это было молчаливое проявление холодной до мурашек заботы от Севера – телохранитель-оборотень, который во второй ипостаси был медведем. Один его взгляд, и меня обходили по широкой дуге. Но я все равно ходила по кромке льда. Эти злые глаза разъяренных хищников снились ночами.

– Я заказал вам ужин, – сообщил Петя. – Вы почти ничего не ели последнюю неделю...

Я благодарно улыбнулась.

– Спасибо.

Кофе согрело, виски расслабило, и я смаковала шоколадную конфету, поглядывая на город. Вот и что мне, казалось, бы нужно? Ну, нет у меня счастливой семейной жизни, так мало у кого она есть в принципе. А с оборотнями – вообще редкость.

Но беда не в том, что у меня не было семейного счастья...

У меня не было другого – чувства безопасности, необходимого любому человеку. Спокойно я себя чувствовала только в машине с Петей, пока мы куда-то ехали. Потому что жить среди хищников – это испытание. Но если других хищников я могу оставить за пределами личного пространства, то самый пугающий всегда ждал меня в постели...

## Глава 1

Сегодня Север оказался дома раньше.

Просторная комната погружена в полумрак. Через панорамные окна, подернутые дымкой полупрозрачных тюлей, поблескивают огни ночного города. Север стоит у окна с бокалом его любимого виски, а на столике меня ждет ужин. Север, видимо, встретил доставку и накрыл мне стол в гостиной. Редкое прямое внимание от мужа без намеков. Видимо, у него что-то случилось, но я об этом снова ничего не узнаю.

Алкоголь примирил меня со многим сегодня вечером, и с ранним возвращением мужа – в частности. Я сбросила туфли на пороге гостиной, и, подхватив их, прошла босиком к столу.

В обычной семье кто-то бы уже сказал: «Ты сегодня рано. Как прошел твой день?» Но Север молчал. Равнодушно до боли... Наверное, когда-нибудь его равнодушие убьет все мои чувства. Наверное. Но до этого еще далеко, потому что я привычно вскипела внутри.

– Привет, – бросила я в пустоту, кинула туфли на пол, подхватила тарелку со стейком и уже собралась уйти, когда позади послышалось тяжелое:

– Останься.

Я замерла с тарелкой, не оборачиваясь.

– Зачем?

– Просто хочу побыть с тобой.

Я обернулась, и меня накрыло чувствами. Как же устало он выглядел... Широкая спина согблена, голова опущена, и это делало его взгляд из-под бровей совсем невыносимым. Стало страшно. И жалко. Его. Себя. Я любила его и ненавидела одновременно с одинаковой силой.

Север направился к креслу и тяжело в него опустился.

– Что-то случилось? – тихо спросила я и вернулась к столу.

– Нет, – хрипло ответил он.

И тишина.

Как и всегда. Ни узнать ничего о нем, ни утешить, ни коснуться.

– Север, я так больше не могу, – слетело с губ, и в носу зашипало.

– Как?

Говорить об этом с ним не было смысла. Бывало, я срывалась. Кричала на него, била посуду, обвиняла в бесчувственности... Его это только злило. А заканчивал он все это одним и тем же непревзойденным способом – сексом. Звериным, сумасшедшим, голодным и сводящим с ума, наутро после которого я еще долго не могла встать и прийти в себя от опустошения.

– Хочешь, чтобы я снова разбила что-нибудь? – усмехнулась я со злостью и принялась за стейк. – Я слишком голодная, чтобы с тобой разговаривать и вообще видеть тебя.

– Ты выиграла новое громкое дело, – сменил он тему и устремил на меня внимательный взгляд.

– Да. И что? – пожала я плечами.

– Поздравляю.

– Ты не рад. Не стоит притворяться.

– Для меня главное, что рада ты.

– Сейчас расплачусь, – усмехнулась я и положила в рот кусок мяса. – Налей мне виски, будь добр.

– Тебе уже хватит.

Не любил, когда я пила. И когда курила. Естественно, я старалась делать и то и другое как можно чаще, чтобы вызвать в нем хоть какие-то эмоции. Глупо, но ничего другого мне не оставалось.

– Слушай, тебя нет в моей жизни, чтобы ты решал, когда мне хватит, – процедила я. – Хочешь побыть со мной? Налей!

– Ешь, – понизил он голос.

– Знаешь, я тут подумала, – и я демонстративно собрала кусочком мяса подливку и закинула новую порцию стейка в рот, – что я действительно крута в делах о громких разводах, и ты не зря меня поздравляешь. – Все же первый бокал я выпила на голодный желудок, и он придавал необоснованной смелости. – И у меня появилась вдруг славная идея. Тебе понравится. – Я азартно усмехнулась и облизала губы. – Я хочу с тобой развода.

И только когда последнее слово слетело с губ, тишина, ждавшая в тенях комнаты, будто набросилась на меня и впиалась в кожу сотнями иголок. Север склонил голову ниже, от чего его взгляд показался пугающим до одури.

– Уверена? – поинтересовался серьезно.

– Я не хочу жить с тобой, – добавила я тише.

– Тебе это вряд ли удастся, – с парализующим спокойствием парировал он. – Я имею ввиду – жить без меня. Тебя настолько ненавидят в высшем обществе, что я тебе гарантирую – в тот день, когда ты получишь свою девичью фамилию в паспорте, тебя пристрелят. Но я этого не допущу.

– Какое благородство, – усмехнулась я и застыла, глядя на своего мужа. Красивый и холодный в своем высокомерии, он снова окаменел куском льда посреди гостиной, и холод, исходивший от него, выстужал пространство вокруг, напоминая, что мне всегда может стать еще холоднее в его обществе. – И после этой новости ты отказываешься мне налить?

– Как это решит твою проблему?

– Никак. Но я хотя бы перестану о ней думать на какое-то время.

– Я тебе нужен.

– Я тебя ненавижу.

– Уделять влиятельных хищников в зале суда тебе нравится больше, чем ненавидеть меня.

– Мне нравится смотреть, как женщины получают от них свободу, – процедила я неприязненно и поднялась. – Нравится давать им надежду на другую жизнь...

– У всего есть последствия.

– Хочешь сказать, что ты – мои «последствия»? Жизнь с эмоциональным импотентом – то, что я заслужила? Черта с два, Север! Я стала такой только после замужества с тобой! Это ты исковеркал мою жизнь! Ты и твой чертов мир, который скорее напоминает бал монстров! Я слушаю каждый раз новую пострадавшую женщину и...

– А люди что же? – перебил он меня, поднимаясь, и направился ко мне. – Люди – не монстры?

– Твой мир куда страшнее... – сделала я шаг назад.

Он усмехнулся.

– Всегда нужен кто-то виноватый, да, Алена? Как в суде. Есть только выигравший дело и проигравший, черное и белое. А что посередине?

– Жалкое оправдание, – прошептала я, задыхаясь.

А Север уже оказался рядом, парализуя своей близостью, как и каждый раз. И это неизменно повторялось. Стоило ему коснуться, схватить за шею и притянуть к себе, я замирала тряпичной куклой в его руках. Предвкушение сводило с ума и оставляло горечь послевкусия, но лишь наутро. Я уперлась ладонями в его грудь, но он быстро сломил это слабое сопротивление – притянул к себе ближе за шею и нежно провел по губам большим пальцем, наслаждаясь тем, как действует на меня, как я сдаюсь...

Убедившись, что я достаточно загипнотизирована его близостью, он подхватил на руки и понес в ванную. А я снова позволила себе эту иллюзию, хоть и ненавидела себя за это каж-



дый раз. Но в глубине души мне нравилось, когда Север принадлежал только мне и когда его сильные руки были заняты лишь мной...

Он заботливо избавил меня от одежды и поставил в душ, где растер напряженные плечи с ароматным гелем, прошелся чуткими пальцами вдоль позвоночника, надавливая так, что я начала постанывать, жмурясь от удовольствия. А когда он коснулся губами шеи, поджала пальцы на ногах и послушно выгнулась...

Как это вообще могло происходить у людей? «Люди тоже монстры»... Нет, настоящие монстры – это истинные звери, которые могут настолько подчинять, что превращают женщину в загипнотизированного кролика! Как еще объяснить это все? Нет, я все также боялась и ненавидела. Но это не мешало мне сдаваться ему каждый раз. Зависимость от него пугала, но сложно было представить себя без нее.

Мне каждый раз хотелось спросить свою клиентку, как она собирается жить без этой опустошающей связи. Но никто об этом не говорит. Женщины бегут от этих монстров без оглядки, ни о чем не жалея. Да, звери влияют на своих избранниц, но чтобы настолько? Чтобы вся дневная жизнь выцветала перед нашими ночными страстями, будто в них и есть весь смысл? Или это только моя участь?

Когда Север сжал мои ягодички с силой, я напряглась, впиваясь пальцами в кафель. Но мне захотелось его позлить, и я дернулась, выворачиваясь из его хватки. Иногда он велся, а иногда – нет. Но сегодня, видимо, выдался тяжелый день не только у меня. Север выпустил когти, оцарапав мой зад, и вогнал в меня член, с силой вжимая в стенку. Я захлебнулась криком и водой, а он прижался губами к шее и чувствительно оцарапал кожу зубами. Любила, когда он начинал с душа. Под шелест воды можно было плакать и кричать, сколько влезет – как ненавижу и как хочу, чтобы стал человеком.

Но даже если бы я кричала ему в тишине, он бы не услышал...

Впрочем, вскоре мне уже не хотелось ничего, кроме как выпросить разрядки. Я билась локтями о кафель, пытаюсь удержаться на ногах, но и этой опоры меня лишили. Север прижал к себе за горло, и я схватила за его запястье. А потом удар зубами в шею, и ноги подогнулись, а я задергалась от боли и оглушительного оргазма, впиваясь пальцами в его руки.

Когда он выключил воду, показалось, что я оглохла. И от этого собственные слова показались чужими:

– Я все равно с тобой разведусь...

\* \* \*

Сигарета после секса с ней – привычное дело. Обычно – две. Но сегодня я курил уже четвертую...

Алена спала, как и всегда, вымотанная мной подчистую, а меня мучала бессонница. Сегодня ее запах казался мне несмываемым, и я чувствовал ее так, будто все еще держал в руках. Если бы она только знала, что со мной так нельзя... Но проблема в том, что я и сам не знал.

Я не знал, насколько Алена может меня расшатать.

За три года совместной жизни я кое-как подобрал ее дозировку, научился вовремя выводить ее из крови и как-то себя контролировать. Ночью я давал своему голоду картбланш, и это держало меня в себе до следующей, а днем я предпочитал быть от Алены подальше. Адская работа в хирургии – то, что нужно, чтобы выматывало достаточно надежно. Смешно, но чтобы чувствовать себя человеком, мне приходилось уставать, как собаке. Когда мог – вовсе не возвращался домой, оставаясь на дежурстве. И это было идеально. И звери сыты, и овцы целы...

Понимал ли я, что рано или поздно Алена не выдержит и захочет свободы?

Не знаю. Я не мог думать еще и об этом. А вот теперь придется.

Многие ведь так и живут – редкими встречами, своими собственными жизнями и интересами. Меня бы это устроило, потому что другого выбора у меня нет. У нее, в общем, тоже. Но иллюзия, с которой я позволил ей играть в опасные игры, затуманила ей голову. Она решила, что может... сбежать?

Зря.

Внутренности скрутило от такой черной злости, что аж голова закружилась, и я смял сигарету в пальцах, обжигаясь. Зверь поднял голову, и показалось, что я исчерпал лимиты терпения. Но так было всегда. Нужно время...

Я вернулся с балкона в квартиру и направился в душ. Уже стоя под холодными струями, я размышлял о словах жены. Манипуляция? Она еще никогда не выходила за расставленные мной границы. Дойдет ли она до дела? А может ли преуспеть? Алена ведь профи теперь в этом, и это я сделал ее такой. Чувство вины перед ней диктовало мне прогнуться. Она изначально боролась со мной, а когда поняла, что это бесполезно, пошла бороться со всем моим миром...

Когда я вылез из душа, было уже три утра. И я было направился в спальню, но тут мобильный завибрировал. Сначала я даже обрадовался – к лучшему. Появился повод не спать сегодня с ней, не будоражить зверя. Но звонок оказался не из больницы.

– Не спишь? – поинтересовался отец.

– Нет, – напряженно ответил я. – Что случилось?

Не то, что бы он не мог мне позвонить посреди ночи. У него была такая же волчья работа, что и у меня, и бессонные ночи для нас обоих были нормой. Но что-то в его тоне мне не понравилось.

– Я слышал, что Алена сегодня выиграла очередное дело, – начал он.

И тут я услышал скулеж сирены на заднем фоне.

– Да.

– Север, ее клиентку нашли мертвой. Я сейчас на месте обнаружения тела. Маргарита Евстегнеева.

– Да, – обессилено выдохнул я и прислонился спиной к стене.

В голове пронеслось много всяких мыслей. Алену это раздавит почти наверняка. А еще Ингвар Евстегнеев – довольно известный политик, он не мог так подставиться, ведь у него влиятельная семья, и куча других «но»...

Но он не справился.

И несложно было провести параллели со мной и Аленой. Справлюсь ли я, если она добьется свободы?..

– Думаю, Алену это ударит, – заключил отец.

– Определенно.

– Ты дома?

– Да.

– Хорошо.

Он не лез в мою жизнь, хоть и понимал, что не все у меня гладко. Но я мастерски прикрывался семейным недугом – страстью к хирургии. Ведь я сын своей матери, а она у меня – та еще одержимая скальпелем. До сих пор пропадает в операционной сутками. Но это не мешает моим родителям оставаться идеальной парой. Просто они идеально совпали. Хотя, мне все же казалось, что отец больше подстроился под маму. Но он просто нес ответственность за свой выбор. А я... Я бы тоже подстроился. Но Алена хочет, чтобы меня просто не существовало в ее жизни, а настолько «подстроиться» невозможно.

Отец подумал, что мне лучше быть с ней, когда она узнает о гибели Маргариты. Но, разве это лучше?

Есть шанс проверить...

Мы распрощались с отцом, и я направился в постель. Алена спала. Я осторожно улегся рядом, привычно прислушиваясь к ее дыханию – насколько крепко спит, чтобы не разбудить объятьями. Придя к выводу, что ее сон достаточно глубокий, я придвинулся ближе и вжался в нее, утыкаясь носом в ее волосы. Это всегда значило для меня передышку. И зверя это успокаивало. Несмотря ни на что, его избранная спит у него под боком, а со всем остальным можно справиться.

Завтра.

\* \* \*

Я проснулась от головной боли. За окном уже светло, в квартире – тихо. Как и всегда. Тело рассыпалось от приторного удовольствия, которое будто растворяло мой внутренний стержень каждый раз, и хотелось просто лежать в кровати и ни о чем не думать. Ну, максимум – сползть в душ, сварить кофе и продолжать существовать в этом оцепенении.

Мобильник жужжал где-то в гостиной, но все потом. Я широко зевнула и перевернулась на бок, уставившись на город с высоты. Нужно отдохнуть. Позвонить Жанне, выбраться с ней в кафе, прогуляться по центру и обсудить мою смелую и идиотскую идею с разводом.

Стоило вспомнить о том, что я вчера заявила о разводе вслух, и в горле пересохло. Виски на голодный желудок – он такой.

«Ну а почему нет?» – прозвучало в голове.

Потому что Север сказал, что тогда мне конец?

Я усмехнулась в оглушающей тишине и села в кровати. Ну, а если он прав? Освободиться от него ради того, чтобы умереть свободной? Я ведь знаю, что он прав, и не он в этом виноват. Защищал ли меня его авторитет? Скорее, да. И сам Север имел связи, да и отец у него – тоже.

– Черт, – прошептала я, и стало так себя жаль, что по щекам покатились слезы.

Как же я так влипла?

Хотя, ну а как было не влипнуть? Блистательный нейрохирург, который не сводит взгляда с молодой выпускницы юрфака в летнем кафе весь вечер – то еще искушение.

Север Станиславович Князев...

Шикарный мужчина, богатый, уверенный в себе... Так мне его описала моя клиентка – врач-онколог, на чьей вечеринке мы и пересеклись, когда поймала меня на заинтересованном взгляде в его сторону. «Да, он немного социопат, – сказала она, – но ведь он нейрохирург, а они все немного не от мира сего».

Знала бы она, насколько он не от этого мира...

Конечно, сначала я была уверена, что Север – мое приключение на одну ночь. Только ночь эта вышла такой, что я едва пришла в себя к обеду следующего дня. Но ненадолго. Север оказался настолько голодным и потрясающим в постели, что мне показалось, я провела с ним в кровати по меньшей мере неделю, а не уикенд. Мы говорили, смеялись, занимались любовью и, как мне казалось, на самом деле наслаждались друг другом. Да так и было... Только... это все обернулось страшной сказкой.

Уже позже я узнала, что такие, как Север, западают на подходящих им женщин – чувствуют их, бросают все силы на то, чтобы привязать к себе и оставить беспомощными перед другой реальностью.

Сначала он исчез из моей жизни, и я убедилась в том, что наш уикэнд был разовым приключением. Но его отсутствие вышло недолгим, и однажды вечером я получила от него предложение встретиться. Кто бы отказался? Но после новой встречи Север больше не исчезал. Он раз за разом давал мне понять, что я для него – всерьез и надолго. Была ли я на седьмом небе от счастья? Увы. Я позволила себе светиться изнутри и потерять голову окончательно,

когда он предложил жить вместе. А когда сделал предложение – я согласилась... как и любая нормальная женщина, влюбленная по-настоящему.

– Алена...

От хриплого голоса Севера в тишине квартиры меня ударило, будто током. Я резко обернулась к двери в спальню и встретила с его взглядом. Север был одет по-домашнему – в штаны и футболку, будто никуда не собирался вовсе.

– Что ты здесь делаешь? – хрипло потребовала я.

– Я тут живу, – пожал он плечами. – Завтрак готов. Присоединишься?

– Тебе никуда не нужно? – не верила я. – Не помню, когда ты последний раз...

– Я знаю, – перебил он. – Но сегодня у меня выходной.

– У тебя что-то случилось?

– Не у меня. – И он вышел из спальни.

А мне стало интересно. Я привела себя в порядок и направилась в кухню. В груди защемило от того, что предстало взгляду. Кухня была залита светом, пахло кофе и цитрусом. Север у плиты сосредоточенно что-то помешивает в кастрюльке, а взгляд такой, будто операцию делает. Везде идеально чисто, как в хирургической. Но это не раздражало. Эту его одержимость чистотой я могла принять. Он ведь хирург. Гениальный, лучший... Конечно, у него могут быть странности. Если бы они на этом и кончались!

Я и не помню, когда так было последний раз, чтобы он утром был дома и готовил мне завтрак.

– Так и у кого что-то случилось? – лениво поинтересовалась я, усевшись за стол.

– Я не хочу пока об этом говорить, – ответил он, не оборачиваясь.

А я смотрела на его широкую спину, подперев голову руками.

– Ты раньше умел разговаривать со мной. Теперь тебе будто не хочется, – заметила равнодушно.

– Мне хочется. Но я забыл, как это делать.

Я усмехнулась и отвела взгляд.

– Зачем ты выключил мой мобильный? – Я привстала и потянулась через стол к аппарату.

– Не включай, – приказал он. – Не стоит портить утро.

– Что случилось? – напряглась я. – Это из-за моих вчерашних слов?

– Ты много всего говорила.

Он обернулся с тарелкой и направился к столу.

– Ты разве не придавал значения ни единому слову? – усмехнулась я, пытаюсь поймать его взгляд.

А он поставил передо мной тарелку с потрясающего вида завтраком – поджаренный хлеб, красная рыба, зелень и яйцо пашот. Идеально.

– Какая тебе разница, придавал я твоим словам значение или нет? – поинтересовался он холодно. – Если только ты не манипулировала ими...

Он отвернулся и направился к печке.

– Ты – чудовище, Север, – бросила я ему в спину. – Холодный монстр! Тебе вообще плевать!

Он резко вскинул руки и схватился за столешницу, сгорбившись. И я сжалась, замирая.

– Мне не плевать, – выдавил он. – Я тебя прекрасно слышал. Ты хочешь развода. Больше, чем жить.

– И кто тут манипулирует?

– Согласен, – он медленно выпрямился и вернулся за стол со своей тарелкой. – Мы оба – мастера манипуляции.

– Звучит так себе. – Я подалась вперед, складывая локти на столе. – Север, но ведь ты со мной несчастен...

– Это ты со мной несчастна.

– А ты? – терпеливо повторила я, но не сдержала сарказма. – Это, по твоему, счастье? Он сцепил зубы и сжал пальцы на краях тарелки.

– Ты пытаешься поговорить? – И он вскинул на меня взгляд. – С какой частью меня?

И его глаза блеснули желтым, а я выпрямилась. Ну, да. Со зверем разговор бесполезен.

– Да, я подумала, что ты захочешь вспомнить, как разговаривать со мной.

– Давай поедим. Кофе остывает.

– Оно и к лучшему! – вспыхнула я. – Скоро оно выплеснется, судя по динамике нашего утра!

– Сделай паузу. – Его голос лязгнул металлом. – Поешь. Просто. Возьми. Чертову паузу. Я сделала глубокий вдох и пододвинула к себе кофе.

– Ладно. Как дела у тебя на работе?

– Ничего нового, – выдавил он.

– Ничего нового, – повторила неприязненно я. – Нам не о чем говорить, Север.

– Не говори, раз не о чем.

Бесполезно спорить. Я отвернулась к выходу в оранжерею и расслаблено откинулась на спинку стула.

Красивая у него оранжерея. Зимний сад за стеклянной стеной создавал впечатление тропического леса. Сейчас там все залито солнечным светом. Но иногда там шел искусственный дождь. Север любил всем управлять и командовать, поэтому в его доме погода менялась по его приказу. Захотел дождь – и тот пошел. Солнце он делать там тоже мог, просто включая дополнительное освещение... но оно ему, как правило, не было нужно.

Нередко он валялся там у пруда спиной на голой плитке, положив руку на глаза. Наверное, настолько уставал... Когда я видела его там, меня заполняло жалостью.

– Спасибо, – отодвинула я пустую тарелку и повернулась к нему. – Достаточная пауза? Можно узнать, что случилось?

Он к еде не притронулся. Задумчиво глядел на меня, наверное, все время, пока я завтракала. И это тоже бесило. Каждый раз хотелось вскричать, какого черта так смотреть, если нечего сказать? Терпеть не могла эти его звериные повадки.

– Маргариту ночью убили.

Его слова будто скользнули по пузырю моего мира и исчезли в желобе, прямо как в его оранжерее исчезает отработанная вода в специальных отверстиях. Могло показаться, что они меня не задела...

– Что? – просипела я.

– Маргариту убили сегодня ночью, – повторил он, не спуская с меня взгляда. – Мне звонил отец. Твоя клиентка мертва.

– Этого не может быть... – С губ сорвался смешок. – Мы же... Это какая-то ошибка! Твой отец, должно быть, ошибся!

Но внутри все замерло и замерзло. Это солнечное утро показалось картонной декорацией, за которой – холодный серо-бетонный бесчувственный мир.

– Ее мужа уже взяли под стражу...

– Он уже не ее муж! – вскричала я, поднимаясь.

Только ноги не слушались. Я прошлась туда-сюда, запустив пальцы в волосы. Доходило медленно. Нет, не доходило вовсе! Я не могла в это поверить.

А в памяти вспыхивали воспоминания. Как Маргарита обнимала меня вчера на ступенях, как благодарила... А потом – все наши встречи, ее взгляд... такой пустой, сломленный...

– Господи... – Кухня расплылась перед глазами, и я опустилась на пол, обняла колени и сжалась в комок. – Как же так...

Я зажмурилась и спрятала лицо в ладонях. Двое детей. Что с ними теперь будет? Видимо, то же, что и со многими другими – приют. Приюты в мире моего мужа – явление столь распространенное, как супермаркет среднего класса, которые открывают в каждой подворотне.

– Алена, – услышала я рядом и вскинула голову.

Север сидел возле меня на коленях и внимательно смотрел мне в глаза.

– Уйди, пожалуйста, – выдавила я сипло.

– Я не хочу тебя бросать, – возразил он, и могло показаться, что он обеспокоен.

Но я не раз приписывала ему несуществующие эмоции. Придумать себе, что он что-то чувствует, когда смотрит на меня холодными глазами, легко.

– Это то, чем ты угрожал мне вчера, да? – усмехнулась я презрительно. – Меня пристрелят, да? Если разведусь с тобой.

– Я не могу контролировать всех, кто захочет причинить тебе вред, – возразил он жестко. Оттенки тепла застыли в его голосе льдом. – Более того, ситуация сейчас сложная. У мужа Маргариты большое влияние, а общество еще не готово к последствиям такого масштаба...

– Хочешь сказать, что этот ублюдок не понесет наказание, потому что ваши нелюди сочтут смерть Маргариты недостаточным основанием?

– Я предполагаю...

– Оставь меня, пожалуйста, – перебила его я и закрыла глаза, положив лоб на колени.

Сколько я так просидела – не знаю. Мне нужно было время, чтобы просто начать дышать. Найти в себе силы пошевелиться стоило труда.

Когда я поднялась на ноги, то как во сне направилась бродить по квартире в поисках Севера, хотя знала, что он ушел. Но мне хотелось себя добить. Слезы катились по щекам. Мне так хотелось свернуться клубком на его коленях, но удалось лишь почувствовать себя окончательно брошенной и раздавленной. Вернувшись в кухню, я умылась и, оставляя капли на идеальной поверхности стола, потянулась за мобильным.

Шмыгая носом, я склонилась над темным экраном и включила аппарат.

У меня никогда такого не происходило. Никогда... Женщины, которых я освобождала ранее, уезжали, как правило, подальше, забрав детей. Или оставив. Не все были готовы воспитывать такого ребенка самостоятельно, и я их понимала. Но никогда еще в моих противниках не значился столь влиятельный ублюдок.

Ингвар Евстигнеев.

Как вспомню его надменную морду, так по телу проходит озноб. Как Маргарита вообще выдержала в этом браке столько лет и не рехнулась? Последние годы она жила мечтой о свободе...

От звонка на мобильный я вздрогнула. Звонил мой босс.

– Да, – хрипло выдавила я в трубку.

– Ты как? – поинтересовался Арсен. – Все утро звоню.

Судя по голосу, состояние у него было близким моему.

Арсен в моем понимании был человечным оборотнем. Интеллигентным, открытым, интересным. У него не было пары, вел он активную светскую жизнь и был хорошо известен в определенных кругах. С ним было легко забыть о том, что он – такой же, как мой муж.

Как-то он признался, что именно Север попросил его обратить внимание на меня, но Арсен ничуть не пожалел о решении дать мне шанс. Я же лезла из кожи вон, чтобы зарекомендовать себя в чуждом мире. Если в прежней жизни обычного человека у меня и были проблемы из-за того, что я – женщина, то здесь мне пришлось «бежать в два раза быстрее», чтобы хоть чего-то достичь. Сколько бессонных ночей я провела за работой и на работе – не счесть. Начиная с небольших дел, постепенно берясь за все более сложные.

Дело Евстигнеева должно было стать самым значимым в моей карьере.

Но теперь оно имело шансы стать последним, потому что Маргариты уже нет.

– Пытаюсь... прийти в себя, – тихо выдохнула я и снова расплакалась, сползая по столешнице. – Какого же черта, Арсен...

– Это ужасно, да. – Слышала, что он закурил. – Ты как придешь в себя – приезжай. Обсудим. Если нужно несколько дней...

– Нет, я... я сейчас соберусь и приеду.

– Ладно. Тогда жду.

Собралась я как в тумане. Даже Пете забыла написать, чтобы он меня ждал, но, как и всегда, он встретил на парковке.

– Алена Владимировна, – кивнул он мне и открыл пассажирские двери.

– Спасибо. Прости, я...

– Не извиняйтесь, – мягко перебил он. – Я слышал о трагедии с вашей клиенткой. Соболезную.

Я кивнула и залезла в салон автомобиля.

– В офис? – спросил он, не дождавшись от меня распоряжений.

– Да-да, – механически закивала я, – собраться не могу...

– Для этого я с вами.

Я поймала его взгляд в зеркале заднего вида и благодарно кивнула. Мозг впал в какое-то оцепенение. Я бездумно пялилась в окно, даже не стараясь размышлять о том, что же дальше.

Нужно было позвонить и сообщить о гибели Маргариты ее семье. Кажется, брат у нее точно есть, живет где-то в Питере. Младший. Она иногда ездила к нему с детьми. Стоит выяснить его номер и убедиться, что ему сообщат. Потому что Евстигнеев их оповещать не станет. Звери предпочитают женщин без родственников, чаще и вовсе сирот. Чаще оборотни не выносят прежних связей своей пары и рвут их беспощадно, если таковые имеются.

А потом – дети. Стоит проследить, чтобы с ними было все в порядке. У Маргариты двое мальчиков. Одному – десять лет, другому – шесть.

Мысли незаметно перетекли в новое русло, и я подумала, что надо бы позвонить своей маме... А если угроза Севера сбудется, и меня пристрелят после развода, ей позвонит хоть кто-то?

Я прикрыла глаза и просидела так всю дорогу до самого офиса, мечась от одной мрачной мысли к другой. Путь через холл показалась эшафотом. Только в этом мире вина за произошедшее могла лечь на мои плечи. Будто если бы не я, с Маргаритой все было бы в порядке. Словно ей лучше существовать хоть как-то, хоть ради детей, чем умереть...

А ведь мне предстояло еще выяснить, как именно она умерла...

На этаже юридической компании было тихо. Штат у Арсена был небольшой. У каждого юриста – свой кабинет и график работы. Ресепшен пустовал, но секретарь обнаружилась у босса. Я знала, что они были близки. Во всех смыслах. И сейчас София, конечно, будет с ним. На мое появление она соскользнула с края стола Арсена:

– Привет, Алена, – махнула мне рукой, – кофе будешь же?

– Да, спасибо.

Мы с Арсеном обменялись взглядами, и он кивнул мне на кресло:

– Садись.

Вовремя. Почему-то очередной прилив опустошения догнал именно в его кабинете, и я медленно опустилась в предложенное кресло. Арсен молчал, я – тоже. И только шум кофемашины из приемной разгонял тишину. София прошла к столу с чашкой ароматного капучино, поставила передо мной и встала рядом, переводя взгляд с меня на босса и обратно.

– Вы только не повесьтесь тут, ладно?

Никто из нас не мог этого обещать, и София, не дождавшись ответа, вышла.

– Я хочу найти ее брата, – нарушила я, наконец, тишину. – И проследить, чтобы детей хорошо устроили...

– Во-первых, этим ты всем дашь понять, что считаешь себя виноватой. Чего от тебя и ждут. Во-вторых, там есть, кому проследить, – и он сделал напряженную паузу прежде, чем продолжить: – Евстигнеева выпустили под залог.

А я вдруг почувствовала, что меня сейчас вывернет. Подскочила с кресла, согнувшись пополам с криком «ведро!», и Арсен, к счастью, успел мне его не только сунуть, но и собрать волосы в хвост.

– Сонь, влажное полотенце, быстро! Два! – услышала я его голос, сидя на ковре и выворачивая всю утреннюю заботу Севера в урну.

– Может, вам обоим все же взять выходные? – запричитала Соня, бесстрашно усаживаясь рядом со мной. – Держи.

Я протерла лицо мокрым махровым полотенцем и попыталась не отдать ей ведро, но она только фыркнула, что и не такое отсюда выносила.

– Тебе за нее надо держаться, – выдавила я со слабой улыбкой, когда она ушла.

– Это да, – рассеяно отозвался Арсен, сосредоточенно набирая что-то в мобильном. – Давай, хлебни кофе.

Он убрал телефон и помог мне сесть в кресло.

– Какого же черта?! – всхлипнула я. – Как ваша система это допустила?

– Ален, я не знаю, что тебе сказать, – и он тяжело вздохнул. – Женщины всегда у нас имели слабое право голоса, и это – черное пятно на репутации нашего народа. Но чтобы такое...

Он покачал головой, а я потянулась к чашке.

– Не стоит никуда сейчас лезть, – осторожно продолжил Арсен. – Ни к родне, ни на похороны. Евстигнеев свободен, а ты – адвокат, которая сделала его разведенным и поставила его семью под угрозу. – Он помолчал какое-то время, потом потянулся за сигаретой. – Это я виноват, что позволил тебе заняться этим делом...

– Не стоит так думать...

– Ты – человек. И единственная женщина, которая занимается подобной практикой. – Он чиркнул зажигалкой и прикурил. – Я подумал, что наше общество уже готово выйти из средневековых взглядов на женское право. Но я ошибся.

– Его не осудят, да? – прошептала я слабо.

– У него хорошие адвокаты. Создадут видимость тяжелого бракоразводного процесса, надавят на природу и сырую законодательную базу... Думаю, он выйдет с какими-то для себя последствиями. Карьере его конец. Но это не смертная казнь и даже не заключение.

Я опустошенно смотрела на то, как дым от его сигареты вьется к потолку кабинета, и молчала.

– Ты меня уволишь? – поинтересовалась, наконец, отстраненно.

– Нет. Но тебе нужно, как это говорят, «залечь на дно». Для твоей же безопасности.

– Считаешь, что мне будут мстить?

– За что? Не ты сделала эту систему поворотливой. И не ты одна занимаешься громкими разводами. – Он провел по волосам. – Черт, не верится, что я это говорю. Будто мы на пятьдесят лет откатились назад или на всю сотню!

Я же почувствовала, что энтузиазма действовать и как-то бороться с ситуацией у меня поуменилось. Захотелось, как Арсен и предложил, забиться в щель и затихнуть. С губ сорвался смешок.

Я все никак не могу привыкнуть к этому миру...

Вспомнился мой медовый месяц в реабилитационном центре. Север ни черта не верил ни в себя, ни в меня. Он тянул до последнего, прежде чем сказать мне правду, и сначала предпочел на мне жениться, чтобы никуда не делась. Ведь выход из такого союза по статистике – преимущественно в окно. Образно говоря. Но у него не вышло от меня отказаться.



Когда он привез меня в кабинет к психотерапевту в реабилитационный центр, я подумала, что это все – глупая шутка...

Но все оказалось хуже – правдой.

Месяц мы пролежали в центре. Я – приходила в себя, он – просто был рядом. Нет, он пытался изо всех сил. Ходил со мной к психологам, говорил со мной, пытался объяснить, просил прощения, что решил все за меня... и много всего еще. Но меня тогда словно парализовало. Я не находила в новой реальности смысла жизни. В старой осталось все, а в новой – пустота и страх.

В таком состоянии я провела несколько месяцев. Север пытался меня лечить, вытаскивал, как мог, и я, наконец, вышла из оцепенения. Только он будто потратил на это весь свой лимит общения. Он закрылся. И ничего между нами уже не наладилось. Наверное, он знал, что так будет. И я не могла ему этого простить. Не могла забыть, что он выудил меня будто из матрицы в реальный мир, который я ненавижу, и дал новую жизнь, которую я не просила.

Ради него?

Нет, он этого не стоил.

– Алена? – позвал Арсен, и я подняла на него взгляд.

– Позволь мне ходить на работу и хоть что-то делать, – попросила я отчаянно.

Он медленно вздохнул.

– Давай мы сегодня сделаем паузу, – заговорил осторожно. – Ты раздавлена произошедшим, я понимаю. Но нам придется через это перешагнуть и как-то идти дальше. Как и когда – я пока не знаю.

– Хорошо, – кивнула я, поднимаясь.

Для меня работа у Арсена стала важной опорой, смыслом. Я не могла помочь себе, но мне важно было помогать другим женщинам, оказавшимся в ловушке. А теперь мне нужно «залечь на дно». Только что делать на этом самом дне, я не имела понятия.

Почва медленно ушла из-под ног, когда я направлялась в приемную, и я чувствовала, что рассыпаюсь. Мне некуда идти. Домой? У меня нет дома. При этой мысли ноги подкосились, и я попыталась схватиться за стенку, но меня вдруг подхватили на руки...

## Глава 2

– Как Алена?

– Плохо.

– Твой отец рассказал о том, что случилось...

С матерью мне разговаривать почему-то было не многим легче, чем с Аленой. Хотя это и было глупо, но мне все казалось, что я ее подвел тем, что не смог сделать свою избранницу счастливой. Я стал хорошим хирургом, а вот счастливым – не смог. Она бы предпочла второе...

– Ты на работе?

– Да.

– А она?

– Поехала к себе в офис.

– Знаешь, я подумала, что у нее сейчас снова мир уйдет из-под ног. Как и тогда, когда ты ей признался в своей природе.

– Вероятно...

– Тебе стоит быть рядом.

– Ты права. Я сделаю все возможное.

– Сев, может, вы чаще будете к нам приезжать? Я бы тоже ради такого чаще приезжала домой. – И она усмехнулась.

– Прости, но в этом нет смысла. Алена не идет на контакт с вами, и мы это проверяем каждый раз.

То, что мать за меня переживала, делало все только хуже. Но и это она понимала.

– Ты бросил все попытки.

– Да. Потому что это бесполезно. Я не могу стать другим, а Алена меня не примет таким, какой я есть. Это не изменится. – И я сам не знаю, зачем добавил: – Она хочет развода.

Мама долго молчала, но я хорошо представлял, как она прикрыла глаза и нахмурилась, выдерживая удар.

– И что думаешь? – поинтересовалась, наконец.

– Стараюсь не думать.

– На какое-то время это может помочь, но ненадолго.

– Я разберусь.

– Я тебя люблю. Очень. Пожалуйста, помоги мне помочь тебе...

– Я знаю. Но не могу обещать. Надо идти. Операция.

– Береги себя.

Я убрал мобильный и схватился пальцами за подбородок, сосредоточенно глядя на стол. Нужно было переждать, пока эмоции улягутся. Честно говоря, я сомневался, что стоило оперировать сегодня. Я плохо держу себя в руках. Все мысли об Алене, а если мне о ней хоть что-то сообщат в ближайшие сутки, я забуду, в какой руке обычно держу скальпель...

Я потянулся к стационарному и снял трубку.

– Это Князев. Отмените все мои операции на сегодня. Срочные передайте Раскопову.

Когда мобильник задрожал от входящего, я понял, что последнее решение было очень верным.

– Можешь говорить? – Голос отца был напряжен также, как и ночью.

– Да.

– Ты с Аленой?

– Нет. Она попросила меня уйти.

Он помолчал, тяжело вздыхая.

– Евстигнеева освободили под залог, – сообщил, наконец.

– Что?! – вырвалось у меня. – Какого черта?!

Я рывком поднялся из-за стола и шагнул к окну.

– Пока что ему предъявляют убийство в состоянии аффекта, – продолжал отец.

– Мы все убиваем в состоянии аффекта! – прорычал я. – Это никогда не имело веса!

– Ну, не у всех есть деньги на юриста и власть...

– И что дальше?

– Я не знаю.

А я думал о том, что Алена вот-вот узнает и об этом.

– Не со всем можно бороться, – устало заметил отец. – Какие-то вещи нам не подвластны.

– Есть же высший суд...

– Есть, но они не жаждут возиться в делах нашей расы, если это не касается кого-то еще.

В общем, я буду держать тебя в курсе.

– Спасибо. – Я прислонил кулак к холодному стеклу. – До связи.

Внутри все задрожало от злости, но не на обстоятельства. Я был в ярости, что Алена меня оттолкнула сегодня, а сейчас где-то в городе одна... И я уже опустил взгляд на мобильный, чтобы связаться с Петей, как получил сообщение в мессенджер от Арсена:

«Приезжай за Аленой. Она совсем не справляется».

Не думая ни минуты, я оттолкнулся от окна и направился из кабинета. И едва не сбил коллегу дверью, открыв ее так резко, что тот чуть не сел на задницу. Я знал, что Раскопову понравится то, что я передал ему срочные случаи сегодня. Но в его глазах стояло такое возмущение, будто я ему не отдал, а забрал у него все операции.

– При всем уважении, Север Станиславович, – поправил он халат, выравниваясь, – я не могу взять ваши срочные операции сегодня. У меня у самого сегодня две сложнейшие!

– Не сможете, значит вызовете меня, и я приеду, – отрезал я.

Этому сморчку лишь бы цену себе набить. Но я знал, что он вывернется на изнанку, но проведет все операции, а потом будет ходить и трясти этим фактом в каждой ординаторской, как поп кадиллом, еще месяц.

В машине я сидел уже через две минуты. Перезванивать и спрашивать Арсена, что именно у них там происходит, я не стал. Если он просил приехать, значит, на то веские обстоятельства.

Пока машина неслась по городу, я вяло размышлял о произошедшем. Трогала ли меня эта история? Нет. Лишь одна Алена, пожалуй, занимается спасением женщин из звериных семей ради них самих. Тот же Аксенов тупо делает себе имя на громких делах, бравируя своей отчаянностью. Но он – оборотень. Раз. А потом – хитрожопый оборотень. Он тщательно выбирает дела, и, к примеру, с тем же Евстигнеевым связываться не стал бы.

Когда Алена стала адвокатом Маргариты Евстигнеевой, я знал, что кончится это примерно вот так. Нет, я не думал, что Ингвар убьет супругу, но меня это и не то, чтобы удивило. Пытался ли он справиться? Обращался ли за помощью, чтобы не натворить непоправимого? Или просто дал волю зверю, зная, что выйдет безнаказанным?

С этими мыслями я доехал до офисного здания и поспешил на нужный мне этаж. Когда я прошел вымершим коридором к кабинету Арсена, услышал его голос:

– Давай мы сегодня сделаем паузу. Ты раздавлена произошедшим, я понимаю. Но нам придется через это перешагнуть и как-то идти дальше. Как и когда – я пока не знаю.

– Хорошо, – еле различил я тихий ответ жены.

Ее голос звучал безжизненно и настолько растеряно, что у меня уже не было сомнений. Я шагнул к дверям кабинета как раз в тот момент, когда она выходила, но внезапно запнулась. Подхватив ее на руки, я прижал ее к себе и заглянул в глаза. Такой взгляд я у нее уже видел, и от него по телу прошла волна предательской слабости. Но вот Алена неуверенно схватилась за мою шею и расслабилась в руках.

– Привет, Север, – послышался голос Арсена в двери.

Я лишь кивнул ему и направился с Аленой в коридор. Она не сопротивлялась. Повисла на мне, глядя в одну точку, и я прижал ее к себе крепче.

– Ключи в кармане.

Она запустила мне руку в куртку и разблокировала замки, когда я поднес ее к пассажирскому сиденью.

– Спасибо, – выдохнула хрипкое, когда я усадил ее и пристегнул.

С парковки мы выехали в полном молчании, хотя мне хотелось спросить ее о многом. Что ей сказал Арсен и, может, она что-то хочет на ужин, но... я не могу стать для нее тем, кто может это все спрашивать. Когда-то это было просто, но потом между нами встал лед. Да, иногда по льду можно ходить...

...но никогда не знаешь, где провалишься.

– Что-то хочешь на ужин? – все же поинтересовался я.

Она повернула в мою сторону голову, но я не видел ее взгляда, глядя на дорогу.

– Что-то хочу, но не знаю, что именно, – ответила она через какое-то время, и... это показалось чем-то новым. Или забытым прежним. Алена помолчала, прежде чем добавить: – Меня вырвало у Арсена, когда он сказал, что мужа Маргариты выпустили под залог...

Я слышал в ее голосе звон металла. И это не удивляло, ведь я всегда был для нее из ненавистного мира. Когда она не воевала против чьих-то мужей, то билась со мной. Но сегодня у нее не было сил...

– Тогда я закажу ужин домой?

– Не хочу домой, – решительно возразила она. – Давай... Давай поедem в тот ресторан на крыше, помнишь? Мы там были сто лет назад...

Я съехал с дороги в ближайшем удобном месте и нашел адрес ресторана, о котором она говорила. Все это было странно, но я старался не придавать значения. Я буду делать все, о чем бы она ни попросила.

– Поехали.

– Ты бросил работу? – поинтересовалась она, когда я вернул автомобиль на дорогу.

– Да.

Она еле слышно усмехнулась, но злости я не услышал. Скорее, удивление.

– Ты не против, что мы не едем домой?

– Наоборот. Я даже рад, – признался я спокойно.

– Хорошо. – Алена вздохнула и отвернулась в окно.

– Моя мать звонила, – зачем-то сообщил я. – Она о тебе переживает.

Алена промолчала, а я подумал, что не стоило мне об этом говорить. Она просто позволила мне быть рядом, но это не значит, что я могу позволить себе что-то еще. К примеру, вворачивать в разговор мою мать.

За все время нашего брака Алена виделась с моими родителями дважды. И каждый раз это больше напоминало какую-то пытку для всех. Мама пыталась с ней найти общий язык, отец настороженно следил за происходящим, наверное, на случай, чтобы наша встреча не вышла за рамки уголовного кодекса... Я же чувствовал себя так, будто стоит мне выйти покурить, и Алена бросится матери на шею и со слезами попросит не отдавать ее мне. В общем, эти встречи лишь подчеркивали недостатки... вернее, отсутствие всяких достоинств сложившейся ситуации.

– Передай ей благодарность, – вдруг ответила Алена.

И у меня в грудной клетке нерационально потеплело.

– Что ты решила?

Алена снова замолчала на какое-то время.

– Арсен просит залечь на дно, – отозвалась безжизненно, но тут вдруг повернулась ко мне: – Почему ты бросил все?

– Сегодня?

– Да.

– Я не мог тебя оставить...

– Ты оставил. Утром.

– Ты просила.

– Если попрошу, то оставишь снова?

– Нет.

Она отвернулась в окно.

– Давно меня так не размазывало, – выдохнула тихо. – Но на этот раз не ты стал причиной.

До ресторана мы доехали молча. Я чувствовал растерянность Алены. Она часто моргала, глядя перед собой, ее сердце колотилось, и даже мне казалось, что она рассыпается внутри. Последует ли она совету Арсена? Хотелось бы.

– У тебя мобильный жужжит, – заметила она отстраненно, когда я припарковался на стоянке ресторана.

– Не важно. – Я толкнул двери и, обойдя машину, подал Алене руку.

– А вдруг срочное? – заглянула она в мои глаза, выпрямляясь.

– Ничего срочного, – соврал я.

И ее слабая усмешка сказала мне, что вранье скрыть не удалось. Мои губы дрогнули в подтверждение, и я отвел взгляд, предлагая ей руку. Она не отказала, и я повел ее к дверям. Вероятно, пока мы шли, на Алену снова обрушились эмоции, и она сжала мою ладонь крепче и прижалась к моему плечу.

– Столик на Князева, – уже сообщил я официанту у дверей, когда Алена вдруг потянула меня за руку. – Минутку.

– Я не хочу, – прошептала она сдавленно, когда я склонился к ней. – Прости, я... не знаю, что на меня нашло... Я будто праздновать иду, а Маргариты нет...

– Хорошо, – я сжал ее руку крепче и поймал ее взгляд, – все нормально. Значит, не сегодня.

Я вывел ее из ресторана и остановился на тротуаре, пытаясь дать ей время. Но Алена совсем растерялась, и тогда я потянул ее за собой вдоль улицы. Сначала она шла рядом неуверенно, но вскоре ее шаг стал размеренным и спокойным, и я вздохнул глубже.

С погодой повезло. Кислое мрачное лето просушило мостовые, смыло пыль с деревьев, и все вокруг растянуло яркие декорации. Кафе благоухали алкоголем и сигаретами, от фонтанов разило хлором, скверы пахли сыростью и свежестриженными газонами и самшитовыми кустами. Мы брели, куда глаза глядят, и молчали. У меня вибрировал мобильник, и это так достало, что я вытащил его и отключил, скрипнув зубами.

– Ничего срочного, значит? – усмехнулась Алена.

– Нет, – мрачно ответил я. – Я передал операции на сегодня.

Добавлять что-то к «нет» и «да» в нашем диалоге было непривычно. И это пугало. Я давал себе надежду, от которой давно отказался. Но разве мне уже может быть хуже? Точно нет.

– Вдруг там кто-то умирает без тебя? – оживилась она впервые, и я бросил на нее взгляд.

Алена улыбалась. Слабо. Но черты ее лица разгладились, а взгляд заискрился интересом.

– Тебе не удобно идти, – заметил я, опустив взгляд на ее ноги.

На каблуках она была шикарна, но для прогулки они совсем не подходили.

– Непривычно, – рассеяно заметила она.

– Давай купим тебе удобную обувь.

Мы остановились. Вернее, Алена сбилась с шагу, и я придержал ее, позволяя опереться на мое плечо.

– Другую обувь? – переспросила она, гипнотизируя меня своим изумленным взглядом.

Меня всегда притягивал ее взгляд. Ее глаза были изменчивы, их цвет подстраивался подо все, что ее окружало. Видеть мир через такую призму – необычайное удовольствие. Алена будто не испытывала никаких иллюзий, воспринимала вещи такими, какими они есть, и это давало опору и уверенность. Никогда бы не подумал, что я в них нуждался.

– Если хочешь дальше гулять, то тебе лучше переобуться, – серьезно объяснил я.

– Хорошо, – кивнула она и улыбнулась так, как когда-то очень давно.

– Отлично. – Мои собственные губы дрогнули, отвечая на эмоции, и я сжал ее руку крепче.

В ближайшем магазине она выбрала себе кроссовки, а туфли на каблуках отдали мне в коробке, и мы продолжили наш странный день. Когда пришло время обеда, мы сели в первое попавшееся кафе на открытой веранде.

– Я хотела сходить на похороны Маргариты, – напряженно сообщила мне Алена, когда официант ушел с заказом.

– Если хочешь, можем сходить, – ответил я без раздумий.

– Хочу. – И она решительно посмотрела на меня, а у меня в груди все разом похолодело.

Алена же знает, что мой отец может раздобыть любую информацию... Использует меня, чтобы не согнуться перед обстоятельствами на показ?

Нутро заволокло привычным холодным туманом, и проблеск согревающих лучей затерялся в дымке.

– Хорошо, я выясню, где и когда ее будут хоронить, – холодно пообещал я.

Грудную клетку драло изнутри от гнева и... обиды... Я долго смотрел в сторону, пытаюсь совладать с разочарованием.

– Почему ты не отвечаешь мне? – вдруг спросила она и подалась вперед, с интересом поймав мой взгляд, когда я повернул к ней голову.

– Я не хочу указывать тебе, что делать, – хрипло отозвался я.

– Ты можешь не указывать, а сказать, что думаешь.

Я тяжело сглотнул, пытаюсь представить себя на ее месте. Нет, она не использовала меня. Она осталась совсем одна против всего мира. И не знала, что с этим делать.

– Я думаю, что ты права, – выдавил я. – Ты ценила отношения со своей клиенткой, и обстоятельства заставляют тебя чувствовать вину за произошедшее. И ответственность за ее смерть. Если бы я был на твоём месте, я бы хотел попрощаться с пациентом... остаться с ним... до конца... Кто бы что ни думал.

Она выслушала меня внимательно и еле заметно кивнула. А меня отпустило. Я поспешил с выводами, привычно отгораживаясь от нее, чтобы разочароваться и остаться на привычном расстоянии. Но я не заметил, что расстояние каким-то образом сократилось...

А Алена вдруг всхлипнула, глаза ее наполнились слезами, и она заплакала.

– Она... она столько лет мечтала о свободе... Это так неправильно! – шептала она, глотая слезы. И каждое слово натывалось на реальность, в которой мы с ней очень похожи на Маргариту и Ингвара Евстигнеевых, но ей не хотелось больше проводить параллели. Она от них устала. – Маргарита заслуживала свободы как никто другой...

– Мне жаль, – хрипло выдохнул я.

Алена вскинула на меня взгляд и тут же отвела, принимаясь вытирать щеки. А я все смотрел на нее, не собираясь отводить глаз. Мне хотелось снова спросить, чего же она хочет. Я готов был сделать почти все. Но боялся снова услышать, что она хочет стать свободной... как и Маргарита.

\* \* \*

Я не могла поверить в то, что происходило...

Север приехал посреди дня, чтобы подхватить меня на руки? Правда?

Все, что мы делали последние три года – добивали друг друга. Методично, размеренно, привычно. Но я никогда еще не падала к его ногам без сил. Я всегда сопротивлялась, бежала от него, от реальности, пыталась найти себя в работе, судебных делах, защите прав других женщин. Да, я бегала по кругу... Но я хотя бы не стояла на месте. И мне это казалось самым правильным и единственно возможным вариантом совместной жизни с моим мужем-оборотнем.

Но сегодня все перевернулось с ног на голову. Я больше не смогла бежать в единственно понятном мне направлении. И теперь сижу в кафе в новых кроссовках и плачу. А Север смотрит на меня и слушает. Я ведь знаю, что он может слушать лучше, чем кто-либо. Но что он думает по всему этому поводу – понять невозможно. Все, что я видела наверняка – он обеспокоен. Его обычно холодный взгляд сегодня будто искал во мне что-то, и это было непривычно. Мне непривычно было осознавать, что он дрогнул от произошедшего. Со мной.

– Скажи, – начала я осторожно, вытерев слезы, – вчера ты сказал, что я не проживу без тебя в этом мире... Что меня пристрелят.

– Я злился на тебя, – нахмурился он.

– То есть, это не так?

– Алена, ты выбрала для себя тяжелый путь в моем мире, – посмотрел он на меня мрачным взглядом. – Никто до тебя по нему еще не ходил. И ты это знаешь.

Я знала. И гордилась собой, что уж. Мне доставляло удовольствие уделывать таких, как Север. Бить им по лапам и морде, пользуясь их же системой правосудия и выжимая из нее все возможное.

– Никто бы и не смог, да? – продолжала я. – Ты меня покрываешь. Ты это имел ввиду.

– Не только я, – нехотя ответил он. – Не думаю, что для тебя это секрет.

– Я знаю, что за тобой стоит твой отец. Но за ним стоит кто-то еще.

– Нет, тебя не пристрелят, – отрезал он. – Потому что этот «кто-то еще» действительно стоит.

Мне всегда было интересно, кто. До меня доходили слухи, презрительно брошенные фразы, мол, сама бы я ничего не добилась. Но, видимо, я так и не узнаю, кому еще обязана.

– Ты не можешь гарантировать, что не пристрелят, – усмехнулась я. – Маргарита тоже не должна была умереть.

Он только кивнул и отвернулся, обозначая конец разговора.

– Можешь узнать, когда будут похороны? Пожалуйста.

– Да, – ответил, не поворачиваясь.

– Ты пойдешь со мной?

– Если хочешь.

– Хочу.

Он бросил на меня удивленный взгляд, полный переживаний, но снова сбежал, чтобы не показывать мне эмоций.

Нам принесли еду. Вернее, мне. И можно было бы дать ему перерыв, но я решила использовать этот странный вечер по полной. Я не помню, чтобы видела в последнее время, как Север ест.

– Ты питаешься вырезками в операционной? – усмехнулась я, когда он подвинул к себе чашку с кофе.

Он укоризненно вздернул бровь, и я улыбнулась шире:

– Я не видела, как ты ешь, уже черт-те сколько.

Его губы дрогнули от смущения:

– Отвык.

– Есть?

– Есть с тобой. И это не претензия.

– Ты ешь на работе?

Он отвел взгляд, хмурясь:

– Да.

– Ну, может, ты все же поешь со мной сегодня?

– Хорошо.

– Официант! – вскинула я руку и с любопытством принялась наблюдать, как Север изучает меню.

Каким же чужим он стал за все это время...

– Как ты? – спросила я, когда он сделал заказ.

Он устремил на меня долгий взгляд.

– Что бы я ни сказал, это не сделает вечер теплее, – ответил, наконец. – И... будет выглядеть обвинением.

– Я же юрист, Север, и знаю, как выглядит обвинение.

– Я чувствую себя мертвым, – раздраженно ответил он. – Большую часть времени.

Повисло тяжелое молчание. Я пыталась вдохнуть, пока он смотрит на меня нечеловеческим взглядом, полным ярких всполохов. Привязанности оборотней такой взгляд всегда выдавал с головой. Только у Ингвара Евстигнеева я такого никогда не видела.

– Ты не пробовал себе помочь? – сорвался вопрос с языка.

Я знала, что существовала терапия для таких оборотней, которым сложно в отношениях.

– Моя смерть меня устраивает, – холодно припечатал он. – Жизнь – тоже. Все шло ровно. До сегодняшнего дня.

– Ты никогда не думал попробовать найти кого-то другого? – спросила я.

– Чтобы найти кого-то другого, сначала нужно отпустить тебя, – ответил он. – Ингвар не смог.

От его ответа повеяло арктическим холодом, и я зябко поежилась.

– Просто... завтра ты вернешься в свою жизнь... – неуверенно предположила я, – а мне больше некуда.

– Твоя карьера не кончена. – В его голосе зазвучали привычные трескучие льды. – Пройдет время, и ты сможешь вернуться к делу, которое для тебя важно.

Я промолчала. Чтобы согреться, заказала еще чаю, и перевела взгляд на город. Моя личная «смерть» меня тоже устраивала и могла бы напоминать жизнь. Но сегодняшний день давал ясно понять – мне нужно большее.

– Хочешь еще погулять? – спросил Север, когда мы вышли из кафе.

– Чувствую себя уставшей, – призналась я.

– Домой?

– Да.

Всю обратную дорогу к машине Север держал меня за руку, и я... чувствовала, черт возьми, что мне это нужно. Мне хотелось ощущать сегодня защиту. Его защиту. Не только призрачную, что где-то кто-то меня покрывает. А вот эту – близкую, мощную, несгибаемую.

Я раньше любила подолгу смотреть на его руки, пока он спит, и представлять, скольких людей он ими спас. Ведь не любые руки могут таким похвастаться. А теперь он спасал меня, просто держа за руку. В другой руке он нес пакет с моими туфлями, непринужденно отобрав у меня все неудобства, которые я могла бы испытывать.

И все же эти его ответы...



...что может не отпустить. Как Ингвар Евстигнеев. От них кровь сворачивалась в венах, и становилось трудно дышать.

Как это возможно? Быть таким разным? Будто человек с шизофренией, который не может вылезти.

Я ни разу не видела, как оборотень становится зверем. Мне даже думать об этом невыносимо. Эта мысль парализует, да и кажется откровенным бредом. Особенно, когда идешь с мужчиной по умиротворенному летнему городу за руку.

– Ты вернешься на работу сегодня? – спросила я, когда мы подошли к машине.

– Нет, – ответил он и пристально посмотрел мне в глаза, замирая перед пассажирской дверью. – Я не хочу тебя оставлять.

– Хорошо, – слабо улыбнулась я.

Черты его лица еле уловимо дрогнули. Я вдруг увидела перед собой невероятно уставшего мужчину, который на один вдох вымучено опустил плечи. Но уже в следующий отвод взгляд и открыл двери.

– А что... говорила твоя мать еще? – зачем-то поинтересовалась я, когда машина въехала в бурлящий поток городского транспорта.

– Что хочет бывать дома чаще, – рассеяно отозвался он.

– А отец как к этому относится?

Север сделал паузу, прежде чем ответить:

– Он ее принял. Такой. Но ему тяжело. И он сам бывает дома редко, чтобы не ждать там ее в одиночестве...

– У них все нелегко...

– Они счастливы. И очень друг друга любят. Просто чужое счастье может выглядеть непривычно.

«Прямо как чье-то несчастье», – подумала я.

Мать Севера старалась изо всех сил, чтобы я хоть как-то чувствовала себя лучше, хоть и виделись мы всего несколько раз. Сначала она навещала нас в реабилитационном центре, потом мы приезжали к ним за город. Но я знала, что она – тоже не человек. В свои «за пятьдесят» она выглядела шикарно, будто моя ровесница. И это сводило с ума еще больше. Отец у Севера тоже был мужчиной весьма привлекательным, но у него хотя бы чувствовался возраст.

Боже, ну как такое возможно?.. Как же сложно в это все поверить!

Но я не одна такая. Я это знаю. Большинству женщин сложно. Другое дело, что сложно им по большей части потому, что их оборотни – ублюдки. Север... Он не был сволочью. Но для меня он все равно был кем-то... кого невозможно принять таким, как он есть.

Когда мы приехали домой, я сразу удалилась в ванную, попросив у Севера полчаса в одиночестве. Пока набиралась вода, я сползла на пол и уперлась спиной в бортик, пытаюсь утрясти все эмоции за сегодняшний день. Но один на один с собой оказалось невыносимо, и я набрала номер матери. Только услышав ее голос в трубке, я разревелась.

– Ален? Алена, что случилось? – запричитала она. – Ты поругалась с мужем?

У мамы причины всех бед – поругалась с мужем. Других быть не может.

– Нет, – выдавила я, вытирая слезы.

– А что?

– Так... – шмыгнула я носом, – по работе.

– Ой, – вздохнула она с облегчением, – напугала. Я уж подумала, что что-то серьезное. А что по работе-то случилось?

– Ничего...

Я втянула воздух в легкие и тяжело сглотнула. Вот зачем я ей позвонила? Лишний раз убедиться, что я – одна? Нет. Я все надеюсь, что у меня есть ее поддержка. И она, конечно, есть...

– Ты как? – просипела я.

– Болею... Суставы так выкручивает последние дни... – И я прикрыла глаза, слушая пространные жалобы мамы на жизнь. Как и всегда. – Вот записалась в поликлинику к неврологу аж на осень.

– Мам, сейчас же лето...

– Ну, там очередь...

Это значило «дай денег на прием в частной клинике. И вообще – дай денег».

А, может, хватит себя обманывать? Нет у меня ее поддержки. Это я – ее поддержка. А мама, как маленький ребенок, не выносит моей слабости, потому что я для нее – единственный взрослый, который всегда примчится и спасет.

– Я переведу тебе сегодня деньги, – пообещала я.

– Ой, доченька, спасибо, милая! Спасибо!

– Не за что.

В груди все сжалось.

– Ты когда приедешь? Я так соскучилась. Хожу мимо твоей школы, вспоминаю, как мы тут вместе гуляли...

– Приеду. Скоро, – сдавленно пообещала я и, кое-как распрощавшись, отложила мобильный.

Когда я вышла из ванной, Север ждал в кухне.

– Кофе будешь?

– Да. – Я села за стол.

– Что-то случилось? – бросил он на меня взгляд через плечо. – Ты плакала в ванной...

– Я маме звонила.

– У нее что-то случилось?

– Нет. Именно, что ничего не случилось.

К моей матери мы с Севером ездили чаще, чем к его родителям. И она, конечно, души не чаяла в нем. Считала моим спасителем. По ее словам, именно с его появлением я стала тем человеком, которым она начала гордиться. Она была убеждена, что он на меня хорошо влиял, и что благодаря ему я достигла всего, что мне было нужно от жизни.

Вернее, не совсем всего. Тему детей она не подняла сегодня только по той причине, что деньги ей нужны были больше, чем внуки.

– Тебя расстроило, что она не понимает, как тебе плохо.

Я промолчала, стыдливо поджав губы. Да, глупо. Он прошел к столу и поставил передо мной чашку с кофе. А мне стало нестерпимо стыдно.

– Спасибо. И да, ты единственный, кто понимает...

– Мне жаль.

Наши взгляды встретились. А я осознала, что мне хочется ему ответить тем же, спросить, плохо ли ему, и также попробовать облегчить его боль. Только я не могу. Любой мой шаг ему навстречу делает ему лишь хуже. Но как же хорошо, что... сегодня он здесь, со мной.

– Тебе не кажется, что нам стоит попробовать все же расстаться ради нас самих? – тихо спросила я, замирая внутри от страха. – Ты... ты заслуживаешь счастья. – Пока я говорила, он замер, глядя куда-то в окно.

– А ты? – рассеяно поинтересовался он, не взглянув на меня. – Как будешь жить ты? Ведь мой мир никуда от тебя не денется. Он останется твоим врагом навсегда. Только без меня ты останешься в нем одна.

– Я... я использую тебя сегодня, не в силах ничего дать взамен. Неужели ты не...

– Замолчи, – холодно приказал он. – Ты живешь будущим, в котором нас, возможно, никогда не будет. А сегодня я у тебя есть. И ты тоже здесь со мной. Тебе не кажется, что посреди всего того, что происходит, это уже что-то?

– Да...

– Ты поужинаешь со мной?

– Да, – кивнула я, улыбнувшись ему.

Чувство иррациональной легкости заполнило пустоту внутри, и я приняла его предложение забыть на сегодня обо всем. Север взял всю ответственность на себя, позволяя мне пользоваться его слабостью. Только даже при всех своих слабостях он все равно остался сильнее.

## Глава 3

Алене нужно было срочно все себе объяснить и позволить. А еще – выяснить цену. Такие они, эти люди. Живут либо прошлым, либо будущим. Но боятся настоящего, всячески избегая показать свой нос в «здесь и сейчас». Этим мы и отличаемся. Для зверя «завтра» никогда не существует, а «вчера» – безвозвратно потеряно. Мне хотелось оставить себе свое «сегодня» навсегда и не отдать его на растерзание завтрашнему дню. Но моей женщине непременно нужно знать, что будет после...

Стало на удивление спокойно. Я заварил чай, заказал ужин, выбрал вино. Алена устроилась на диване в пледе, поглядывая на меня настороженно и с любопытством. Судя по взгляду, терзаться ценой вопроса она не перестала.

– Если ты хочешь побыть в одиночестве, просто скажи, – сообщил ей я, ставя чашку с чаем на столик.

Она любила черный чай с бергамотом, медом и лимоном. И непременно в большой чашке. Нет, я не планировал добывать ее тем, что храню в памяти эти важные мелочи, но на ее лице скользнула тень от очередного приступа вины.

– Я не хочу быть в одиночестве, – мотнула она головой.

– Хорошо. Что будем делать?

Алена усмехнулась:

– Жалеть меня.

– Хороший план. Жизненный. Как мне тебя пожалеть?

Она внимательно посмотрела на меня.

– Можешь сесть рядом и... обнять?

– Могу.

Она приснула и приподняла края пледа, освобождая для меня место. Я сел рядом и пригнул ее к себе... но Алена не просто позволила ее обнять – она вцепилась в меня и всхлипнула, когда я удобнее устроил ее в руках. Так мы и просидели какое-то время в молчании. Я слушал стук ее беспокойного сердца, прерывистое дыхание. Зверь настороженно замер внутри. А мне хотелось спросить, почему же она так упорно хочет от меня избавиться, если у нее никого нет? Почему ей так сложно?.. Но в этом не было смысла. Я помнил ее пустые глаза в тот месяц в реабилитационном центре. Пустота порой способна сказать больше, чем что-либо. Все, что я знал – не хочу больше видеть у нее такие глаза.

Пока я сидел, погруженный в мысли, Алена притихла, задышала спокойней и глубже, и я вдруг обнаружил, что она уснула. И это удивило и тронуло до глубины души. Просто так уснула в моих руках? Но, ведь это значило, что ей со мной действительно спокойно.

И какая этой женщине разница, кто я?

Разница есть.

Может, если бы Алена не посвятила три года нашей совместной жизни изучению этой разницы во всех подробностях, ей было бы проще? В каждом новом деле она лишь находила подтверждение своим убеждениям – этот мир не для нее. Она видела в нем монстров, скрывающихся под масками людей.

Ну а разве это не так? У оборотней даже права на защиту для женщин не существовало долгое время. И я ни черта не облегчаю ей этого страха. Мне кажется, что правда – единственный путь, по которому я могу пройти рядом с Аленой, но... это делает лишь хуже. А смерть Маргариты – еще одно подтверждение, что Алена передо мной беззащитна. И если Евстигнеева оправдают – это разрушит ее хрупкий мир.

Тут мобильный пиликнул входящим сообщением. Отключенный мобильный. Я усмехнулся. Такие фокусы мог творить только один мой знакомый – единственный и неповторимый

во всех смыслах. Я осторожно устроил Алену на диване и накрыл пледом, а сам вышел в оранжею и прикрыл двери.

– Какие нелюди, – усмехнулся Горький в трубку. – Ты когда написал, я не поверил даже...

– Ну и к чему эта драма? – усмехнулся я.

– Ты ушел в себя на полгода, Князев, – упрекнул он беззлобно. Но с горечью. – И тут – простая просьба узнать, когда похороны Маргариты Евстигнеевой...

Святославу было, за что на меня обижаться. Мы с детства с ним не разлей вода. Отец рассказывал, что нередко брал меня с собой по работе, когда была его очередь со мной оставаться. Однажды заявили мы как-то в отделение Инквизиции по какому-то очередному делу, где меня и посадили в один манеж к Святославу Горькому – сыну заместителя главы Инквизиции.

Когда Алена спрашивала, кто еще стоит за мной, то ответ был в нем и его отце. Давид Горький – отец Святослава – теперь был главой Инквизиции. А Свят – его заместителем.

Да, иногда важно оказаться в нужное время в нужном манеже...

– Скажи, ты так даешь мне понять, что тебе нужна помощь? – поинтересовался Свят вкрадчиво.

– Нет, – усмехнулся я.

– Я тут разнюхал...

– Ну, понятно.

– ...Твоя жена влезла в сложное дело.

Алену Свят недолюбливал. С ее появлением я стал пропадать на месяцы, потому что сил не хватало на что-либо еще, кроме как жить свою нелегкую семейную жизнь.

– Да, наверное, я рассчитывал на твое понимание, как и всегда, – не сдержал я сарказма.

– Сева, я всегда на твоей стороне. Но тут вы оба зашли очень далеко. Кто вообще позволил Алене брать дело Евстигнеева?

– Это уже неважно.

– Пожалуй. – Он вздохнул. – Сев, лучше не ехать на похороны... Все сейчас на ушах стоят с обеих сторон. До высших тоже докатилось. Евстигнеев использует все связи, чтобы остаться в живых. Алена и ее появление на похоронах будет колыхать лодку только сильнее.

– Это все – политика, Свят. А у Алены – простое человеческое желание попрощаться с Маргаритой. Ты же понимаешь, что единственный вариант для нас выжить – быть ближе к людям...

Свят замолчал ненадолго.

– Ладно, – заключил, наконец. – Похороны завтра в полдень. Адрес я тебе скину. Но услуга за услугу.

– Конечно, – с готовностью заверил его я, но грудную клетку неприятно сжало.

Мы что, теперь платим друг другу за услуги?

– Хочу увидаться. Встретимся?

Я расслаблено усмехнулся. Нет, радоваться нечему, потому что на услугу это никак не тянет.

– Да, можно...

– Что случилось? – вдруг насторожился он. – Голос у тебя непривычно... спокойный.

Настал мой черед отмалчиваться. Я прошел босиком по деревянному полу и вскинул голову в просвет между листьев. Небо залито розовым, значит, завтра будет дождь... и снова похолодает.

– Все по-прежнему, – выдохнул тихо.

– Она осознала, что одна?

– Не знаю, – напряженно отозвался я.

– Но тебе бы хотелось.

– Свят...

- Я понимаю, что лезу не в свое дело. Но ты должен понять, что ты – мое дело.
- От того, что ты воюешь по-тихому против моей женщины, мне лучше не станет.
- Я воюю за тебя. Это – разница.
- Ты полон осуждения.
- Нет. Я полон сожаления, что тебе не повезло.
- Опять же – результат один. Мне не легче. Прости, Свят.
- Перестань. Просто... не пропадай. Иногда нужно собраться вместе, надраться, про-

швырнуться по лесу по пьяни и повить на Луну.

Я усмехнулся. Да, шляться в пьяном виде на четырех лапах я умел только с Горьким. Только он был способен намешать что-то такое в коктейле, что не успевало нейтрализоваться при обороте.

– Это точно, – улыбнулся я. – Ладно, рад был тебя слышать, и спасибо тебе за информацию.

– Время встречи, Север!

– Да-да, я подумую.

– До связи.

– Пока, Свят.

Я убрал мобильный в карман джинсов и замер. Тело наполнило теплотой воспоминаний о безбашенной молодости, Святославе Горьком, надеждах...

– Север? – услышал я хрипкое позади и обернулся. Алена стояла в проеме кухни в пледе – заспанная и уютная. Но на лице ее была тревога. – Тебе с работы звонили?

– Нет, – качнул я головой и всмотрелся в ее реакцию.

– А... – Она улыбнулась и потеряла глаза. – Я уснула...

– Чай подогреть? – поинтересовался я хрипло.

Ноги едва не подкосились от облегчения. Она не хотела, чтобы я уезжал. Я чувствовал это. И это было слишком приятно осознавать.

– Подогрей, да, – кивнула она.

Говорить ей про похороны не хотелось. Да и говорить – тоже.

– Хочешь посмотреть кино какое-нибудь? – предложил я, проходя мимо.

Я. Она. Кино.

Как же давно все это было.

– Я, наверное, не способна сегодня на такую программу, – виновато пожала она плечами. – Хотя... думаю, Джармуш мне зайдет.

Когда-то мы провели с ней много вечеров за просмотром всякого артхауса. Алене нравилось. А мне нравилось бродить с ней по ночному городу, проводить время на каких-то квартирных или в видео-залах, где крутили очередной «неформат». Последним мы, кажется, смотрели «Рыцарь кубков»... А потом это все стерлось больничными буднями. В клинике наши вечера были похожи на то, будто мы сами снялись в каком-то арт-хаусе. Я бродил по палате, Алена следила за мной, сидя на кушетке или свернувшись на ней клубком.

Хорошо все же, что мы далеки от того времени. Сейчас она занята поиском фильма на вечер, а я делаю новую порцию чая и поглядываю на часы в ожидании, когда привезут ужин.

– «Выживут только любовники» посмотрим? – обернулась она. – Мы не смотрели это кино вместе. Ты смотрел?

– Нет.

– И я.

Ее мобильный на столе принял сообщение, и я мазнул по экрану взглядом, но поспешил отвернуться. Это была знакомая Алены, Жанна. Но все, что я о ней знал – она тоже адвокат по бракоразводным делам.

\* \* \*

Меня отключило, кажется, ближе к концу фильма... Помню только, что было так хорошо, как уже давно не было. Спокойно, тепло, уютно...

Наверное, я выбрала Севера когда-то за это чувство рядом с ним. Всю жизнь я была сама по себе, одна против всех. Мама в школу никогда не ходила, и я всегда стояла за себя сама. И гораздо позже – тоже. Да всю жизнь. А тут вдруг – Север...

Я улыбнулась в полудреме. И вскинулась в пустой кровати. За окном светло, а в спальне – пусто. Севера рядом не оказалось. И что-то подсказывало – его не было и поблизости. Вчерашний день кончился.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.